

подарил себе – ни много ни мало – свободу. И – кляп им в дышло – пусть снова схватили, пусть из саласпилсского лагеря бросили в штрафной барак шяуляйского – он чистое небо видел!

За неба кусок, за глоток вольного воздуха – неужели ж не стоит собою рискнуть? Ох, земляки вы мои горемычные, стоит! И хоть в железо его заковыдай, хоть в каменную яму кидай – а уйдет он из этого чертом проклятого шяуляйского заковья» [8, с. 578]. Ю. Томашевский считает настоящей датой рождения писателя 24 сентября 1919 года. Следуя тексту, лейтенант Воробьев отметил свое 23-летие, подарив себе свободу.

На литературно-краеведческом портале «Мы с именем его живем, мы именем его гордимся» МБУК «Централизованная система библиотек города Курска» в разделе «Биография Константина Дмитриевича Воробьева» указывается: «Константин Воробьев пережил ужас фашистских концлагерей, 24 сентября 1942 года бежал из плена. С той поры он стал отмечать день своего второго рождения 24 сентября. После побега продолжал сражаться с фашистами на литовской земле, был командиром партизанской группы до самого освобождения Литвы...» [9].

Доктор филологических наук, преподаватель Курского государственного педагогического института Андрей Ефимович Кедровский, ссылаясь на воспоминания В. В. Воробьевой, вдовы писателя, отмечает, что писатель своим вторым днем рождения считал 24 сентября 1942 года – день, когда он последний раз и успешно бежал из немецкого лагеря (Саласпилсского) [10, с. 12].

Обратимся к воспоминаниям Веры Воробьевой «Розовый конь».

«Нельзя было без слез слушать его рассказ о немецких лагерях, в которых ему пришлось испытать нечеловеческие страдания. Все, что потом написал о плене, он рассказал подробно тогда. Это клинский, ржевский, смоленский, каунасский, саласпилсский лагеря, паневежеская тюрьма, шяуляйская тюрьма и лагерь... Особенно меня потрясли побег из вагона и одинокий вой в болоте. Меня потом долгие годы преследовало видение поезда, мчащего в смерть пленных и под окошком вагона для перевозки скота качающийся скрюченный черный комок человеческого тела, в предсмертном исступлении дерзнувшего обрести свободу – выпрыгнуть из вагона. <...> Нельзя было забыть предательски торчащую под вагоном с сахарной свеклой портянку, когда немец с фонариком шарил рядом и, увидев беглеца, вытаскивает его, избив, заковыдает в цепи и увозит из паневежеской тюрьмы в шяуляйскую...» [11, с. 367–368].

В воспоминаниях В. Воробьевой мы узнаем и дату ее знакомства с Константином Дмитриевичем, и подлинную дату его последнего удачного побега. Обратимся к тексту. «Красная горка в 1943 году выпала на май... Когда я проходила мимо (лагеря), из ворот вышли трое: немец с винтовкой и двое русских... Путь нам преградил товарный состав, и мы оказались совсем рядом. И тут заговорил со мной один из русских, высокий. Разговор был отрывистый, необыкновенно напряженный, каждое слово казалось наполненным особым смыслом. <...> Вот уже показался конец состава, уже подняли шлагбаумы... и